

УДК 81.323.22

ПЕРМСКОЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ¹

Надежда Владимировна Кабинина

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский государственный университет

620083, Екатеринбург, ул. Ленина, 51. fasmer@yandex.ru

Статья посвящена малоизученной проблеме, связанной с пермским топонимическим наследием Архангельского Поморья. Опираясь на данные этимологического анализа, автор доказывает, что в восточной части этого региона – между низовьями рек Северной Двины и Мезени – представлен как древний, так и сравнительно поздний пермский топонимический субстрат. В восточном субрегионе Архангельского Поморья ею выделяется четыре пермских топонимических ареала, различающихся по ряду лингвистических характеристик. На этой основе обсуждаются вопросы, связанные с хронологией освоения региона пермским населением, а также с особенностями исторического русско-пермского контактирования.

Ключевые слова: Архангельское Поморье; коми-зырянский; пермский; субстрат; топоним; этимология.

Архангельское Поморье – крупный севернорусский регион, прилегающий к побережью Белого моря в пределах современной Архангельской области. В течение многих столетий русское население этого региона проживало совместно с разными финно-угорскими народами, оставившими в Поморье богатый пласт субстратной топонимии.

Согласно результатам предшествующих исследований Архангельское Поморье входит в зону доминирования прибалтийско-финского и саамского топонимического субстрата (см.: [Матвеев 2004: 330]). Что касается пермского наследия в топонимии Поморья, то этот вопрос лишен определенности: наличие пермских следов обычно допускается исследователями, особенно в низовьях Северной Двины и восточнее, однако не подтверждается этимологическими данными – за исключением отдельных очень спорных предположений, примером которых может служить сопоставление названия *Холмогоры* с к.-зыр. *Kolemgort* ‘оставленный дом, двор’ [Sjögren 1861: 401–403].

На наш взгляд, эта неопределенность во многом связана с тем, что к решению «пермского» вопроса привлекался довольно узкий круг топонимических фактов – в частности, не рассматривались малые речные и озерные гидронимы, названия урочищ и сельскохозяйственных угодий, населенных пунктов. В то же время по результа-

там нашего исследования, в котором эти данные учтены², топонимы пермского происхождения в Архангельском Поморье не только присутствуют, но и – в восточной части региона – образуют комплекс достаточно плотных микроареалов.

Наиболее определенно пермские топонимические следы выражены в трех зонах Архангельского Поморья:

1) Северное Примезенье (низовья реки Мезени, южной границей которых мы считаем дер. Азаполье, 61 км выше устья);

2) Зимний берег (побережье Белого моря между устьями рек Северной Двины и Мезени);

3) Междуречье Северной Двины и Кулоя (центральная и южная части Беломорско-Кулойского плато).

Отдельные пермские элементы выявлены нами и в четвертой зоне – низовьях Северной Двины.

Указанные микроареалы различаются некоторыми лингвистическими характеристиками, что позволяет предполагать, во-первых, разную степень участия пермян в их освоении, во-вторых – разное время начала и завершения русско-пермского контактирования. Поэтому анализ топонимических данных мы представим отдельно для каждого ареала.

Северное Примезенье

В Северном Примезенье следы присутствия пермского (коми-зырянского) населения особен-

но многочисленны и разнообразны. На уровне топонимического субстрата их представляют по преимуществу основы микротопонимов, имеющие иногда местные русские семантические параллели (в этих случаях, возможно, происходило калькирование):

Бурлуга, покос ~ к.-зыр. *бур* 'хороший' [КРС: 62].

Вервей, ручей ~ к.-зыр. *вөр* 'лес' [КРС: 133]. Детерминант может связываться с известным на других территориях к.-зыр. **вей* 'ручей' [Матвеев 1965: 29–31].

Карручей, ручей ~ к.-зыр. *кар* 'город' [КЭСК: 116–117]. Ручей протекает по территории с. *Козьмогородское* (истор. *Козьмин Городок*).

Кибасиха, озеро ~ к.-зыр. *кыбны* 'лучить, бить острой (рыбу)', *кыбысь* '(рыбак, занимающийся лучением)' [КРС: 346]. Для этого топонима возможны и другие этимологии, однако коми версию подтверждает русское название *Лучинные Озёра*, относящееся к смежной группе озер.

Лунный Ручей, ручей ~ к.-зыр. *лун* 'день; юг; дневной; южный' [КРС: 389]. В этом случае сопоставление с русск. *луна* не имеет никаких семантических обоснований, тогда как в коми гидронимии основа *лун-* – одна из самых продуктивных [Афанасьев 1996: 93–94].

Тильпожня, покос ~ к.-зыр. *тіль* 'болотистое место с низкорослым сосняком; густые заросли сосняка; густой молодой хвойный лес' [КРС: 675].

Шукша (1), река; **Шукша (2)**, поле ~ к.-зыр. *сюкось* 'квас', общеперм. **s'ukos'* [КРС: 663; КЭСК: 273]. Ср. название притока реки Шукши *Поваренный Ручей* < русск. диал. *поварня* 'помещение, где варили сусло, пиво' [СРНГ 27: 222]. Русская фонетическая форма названий обусловлена, по всей видимости, тем, что к.-зыр. *с'* в силу большей, чем в русском языке, палатальности может передаваться русск. *ш'* [Лыткин 1952: 95; КРС: 850].

Юргин, ручей истор. / совр. **Югрин Ручей** ~ к.-зыр. *юрғыны* 'звенеть, звучать; греметь', *юрган* 'звонкий, звучный' [КРС: 817]. Наличие множества гидронимов оноματοпоэтического типа – яркая особенность как русской, так и субстратной топонимии Архангельского Поморья (см.: [Кабинина 2008]).

Этот ряд примеров дает основания предполагать, что коми-зырянское, а не ненецкое происхождение имеет и детерминант **-то** в названии болота **Товото** в низовьях Мезени, ср. ненецк. *то* 'озеро' [НРС: 664], к.-зыр. *ты* 'озеро' [КРС: 705]. Изменение детерминанта в данном случае объяснимо русским грамматическим переобразованием топонима по среднему роду (болото,

*озеро). К тому же основа названия также наиболее удачно интерпретируется на пермской почве, ср. к.-зыр. *тöv* 'зима' [КРС: 684] (*Товото* – букв. «Зимнее озеро», в топонимическом смысле «Северное»).

Наряду с собственно топонимическим субстратом в Северном Примезенье отмечаются топонимы, содержащие антропонимические коми-зырянские компоненты, ср.:

Бозово, покос ~ к.-зыр. *бозö* 'толстопузый' [КРС: 45].

Ошково, покос ~ к.-зыр. *ош* [ошк-] 'медведь' [КРС: 496].

Тюнёво Поле, поле; **Тюнихи**, поле ~ к.-зыр. *тюни* 'валенки' [КРС: 712].

Черсова Гора, деревня / истор. **Чирсова** ~ к.-зыр. *чöрс* 'веретено' [КРС: 751]. К.-зыр. *ö* на русской почве может передаваться не только через *о* и *е*, но и через *ы* – отсюда, видимо, варианты *Черсова* / *Чирсова* (**Чырсова*). Этимология убедительно подтверждается данными исторической антропонимии: в переписи 1710 г. в дер. Черсова Гора упоминается семья *Веретновых* (КИТРС). По-видимому, прозвище их предка **Веретно*, который мог быть одним из первопоселенцев деревни, является русской калькой коми прозвища **Чöрс*, или наоборот: ср. арх. *веретно* 'веретено' [Даль I: 180].

Наконец, в Северном Примезенье обнаруживаются довольно специфичные, на наш взгляд, топонимические сигналы былого присутствия коми-зырян. Так, название бывшей усадьбы **Мига-Ляга** из к.-зыр. наречий прямо не интерпретируется – однако оно, вероятно, «с русской позиции» имитирует звучание коми-зырянской речи, богатой подобными фонетически яркими собирательными конструкциями, и тем самым своеобразно указывает на присутствие «чужого» населения. Не исключено, что влиянием коми языка объясняются и уникальные для топонимии Поморья структурные варианты **Немнюга** (истор. **Немьюга**) – **Немня**: последнее может возводиться к к.-зыр. форме этого названия **Немь ю* / **Немн ю* (> русск. *Немня* вследствие фонетико-морфологической адаптации).

В целом эти факты с очевидностью свидетельствуют о том, что в Северном Примезенье коми-зырянское население было достаточно многочисленным и тесно контактировало с русским населением. Основываясь на преобладании микротопонимических коми-зырянских следов, возможно предполагать, что коми-русское взаимодействие завершилось в этом субрегионе относительно поздно. О времени его начала судить сложнее, однако характерное для низовий Мезени сравнительно небольшое число пермских гидронимов свидетельствует, видимо, о том, что

коми-зыряне были здесь вторичным населением по отношению к саамам, т. е. осваивали регион либо одновременно с русскими, либо незадолго до них. Сведения, содержащиеся в исторических документах, со своей стороны также говорят о том, что при большинстве поселений нижней Мезени пласт дошедшей до нас коми микротопонимии хронологически неглубок, поскольку даже в XVII в. оседлое население здесь только формировалось и было крайне малочисленным. Например, в дер. Целегора переписная книга 1646 г. фиксирует всего 6 жилых дворов – в книге отмечается большое запустение этой недавно построенной деревни: 31 двор в ней «пуст», потому что «вышли те крестьяне из тое деревни з женами и детьми в государевы города от хлебного недорода в розных годех» (КИТРС). Подобная ситуация обнаруживается и в соседних поселениях: о многих жителях перепись сообщает «сшол безвесно», «на промыслу в Мангазее» и т. п. И лишь в начале XVIII в. оседлое население в низовьях Мезени становится более многочисленным: по данным переписной книги 1710 г. в каждой деревне насчитывается около 20 дворов (КИТРС). Именно с этим временем, вероятно, следует связывать начало формирования коми топонимии в большинстве микрозон Северного Примезенья.

Зимний берег

В отличие от Северного Примезенья, территория Зимнего берега характеризуется преимущественно гидронимическими свидетельствами присутствия коми-зырян. Названия пермского происхождения образуют здесь два компактных ареала, которые можно условно обозначить как восточный и западный. Первый географически связан с селами Долгощелье и Койда, где отмечены следующие названия:

Бармас, ручей ~ к.-зыр. *пармас* ‘лесной’ [КРС: 521].

Кулсей, ручей ~ к.-зыр. *кульсьыны* ‘заниматься обдиранием коры’ [КРС: 332].

Нырзанга, река ~ к.-зыр. *нырзьыны* ‘закисать, закиснуть’ [КЭСК: 197].

От(т)ома, река ~ к.-зыр. *оттӧм* ‘узкий’ [КРС: 495].

Рома, озеро ~ к.-зыр. *рӧмыд* ‘сумрачный’ [КРС: 604].

Тӧлса, река ~ к.-зыр. *тӧвся* ‘зимний’ [КРС: 651] или *тӧлэс* ‘охотничьи уголья; шалаш, охотничья стоянка’ [КЭСК: 283].

Шоча, озеро ~ к.-зыр. *шойччыны* [КРС: 775], диал. *шотчыны*, *шоччыны* ‘отдохнуть, передохнуть’ [КЭСК: 320].

Особого комментария заслуживает название реки **Мегра**, которое А.К.Матвеев связывает с приб.-фин. *mäyrä, mäkrä, mägr* ‘барсуk’ [Матвеев

2004: 53]. При таком толковании *Мегра* оказывается единственным прибалтийско-финским речным гидронимом на очень большой территории, где представлены только саамские и пермские названия рек. На наш взгляд, гидроним *Мегра* имеет пермское происхождение, ср. к.-зыр. *мегыр* ‘дуга; шпангоут лодки’ [КРС: 413], которое производно от *мег* ‘шпангоут; излучина реки’ [КЭСК: 171]. Это сопоставление находит подтверждение в характерной географической особенности реки: в отличие от всех других рек Зимнего берега, при впадении в Белое море *Мегра* образует крупный извилистый залив s-образной формы, при котором находится мыс *Мезорский Нос*.

Приуроченность пермских топонимов восточного ареала Зимнего берега преимущественно к рекам, а также сравнительно низкая плотность пермского субстрата, очевидно, обусловлены характером освоения этой территории, служившей, с одной стороны, местом разного рода сезонных промыслов, с другой – огромным по протяженности оленеводческим кочевьем. О хронологической глубине промыслово-хозяйственного освоения этой территории судить трудно, однако как по историческим, так и по лингвистическим данным можно предположить, что пермские названия восточной части Зимнего берега являются в целом более древними, чем топонимы Северного Примезенья. При этом, конечно, нельзя исключить, что некоторые гидронимы восточного ареала Зимнего берега относительно молоды – во всяком случае, многие из них фиксируются документами очень поздно. Историки со своей стороны отмечают, что поселение Койда возникло не ранее XVIII в.; Долгощелье известно с начала XVII в. как слободка *Долгая Щель*, в которой Антониево-Сийский монастырь поселил бобылей «для рыбных ловель» [Бернштам 1978: 51], – среди них, возможно, были еще сохранявшие свой язык коми-зыряне из более южных мезенских и пинежских владений монастыря.

Западный пермский ареал Зимнего берега географически связан с территорией нынешних Патракеевки и Зимней Золотицы. Этот ареал менее плотен, однако в представляющих его названиях достаточно последовательно прослеживаются пермские элементы, ср.:

Козла, река (известна с начала XVII в.) ~ к.-зыр. *коз* ‘ель’ [КРС: 292]. Название явно подверглось русской адаптации – в качестве же исходной формы можно предполагать *Коз ю или *Козла ю (ср. название реки *Козла ю* в Республике Коми, в котором А.П.Афанасьев выделяет устаревший коми суффикс места *-ла*, толкуя название в целом как «река, текущая по ельнику» [Афанасьев 1996: 76]).

*Косин : *Кошка у Косина*, отмель ~ к.-зыр. *kosin* 'сухое место; мелкое место, мель' [КРС: 307].

Това, река (известна с конца XVI в.) ~ к.-зыр. *töv* 'зима' [КРС: 684], ср. общеперм. **töl*, удм. *тол*, мар. *tel*, морд. *t'ala, t'el'e* 'то же' [КЭСК: 283]. Этимология, впрочем, осложняется тем, что переход *в > л* в диалектах коми языка исследователи относят к XVII в. [Лыткин 1955: 21], тогда как название реки *Това* на Зимнем берегу известно уже по документам конца XVI в.: «над Золотицею в реке в Тови» (САС–2: 231). Возможно, форма *Това* (вместо **Тола*) объясняется свойственной русским говорам Поморья билабиальной артикуляцией *в*, что приводит, в частности, к стиранию различий между *в* и *л* и их мене (*л* → *в*), отраженной в топонимических примерах типа *Вамбас – Ламбас, Логиновщина – Вогиновщина* и др. В семантическом отношении данная этимология препятствий не встречает, ср. многочисленные в Поморье аналогичные русские названия: *Зимняя Золотица, Зимнегоры, Северное, Северный Ручей, Северка* и др.

Ульмица / Ульмеца, река ~ к.-зыр. *уль* 'сырой, влажный, мокрый' [КРС: 721]. Вторую часть топонима мы связываем с устаревшим к.-зыр. *мõс* 'источник', 'исток', 'приток' [Афанасьев 1996: 194], ныне сохранившимся в коми языке только в составе дериватов и топонимов (*Õшмõс* – приток реки *Вымь, Чермõс* в топонимии Верхней Вычегды и др.) [КЭСК: 213]. Вариант *Ульмеца* ближе к исходному слову (**Ульмõс*), однако обе формы подверглись русской морфологической адаптации. Отметим еще, что речка *Ульмица* впадает в залив *Сухое море*, т.е. ее название (буквально «Мокрый приток») отражает важный дифференцирующий признак объекта.

Унин Ручей, ручей ~ к.-зыр. диал. *унинь* 'тетя (жена старшего брата отца)' [КРС: 723].

На антропотопонимическом уровне эти факты можно дополнить названиями тони *Копыриха* и покоса *Копыринские Пожни*. Лежащий в их основе антропоним **Копыра / *Копырин* сопоставим с к.-зыр. *копыра* 'наклонившийся, наклоненный; склоненный' [КРС: 304]. В данном случае немаловажно, что это старый антропоним: его фиксация в названии *Копыриха* относится к XVII в., ныне же он неизвестен ни в селах Зимнего берега, ни на других поморских территориях.

Междуречье Северной Двины и Кулоя

На этой территории пермские данные представлены только в гидронимии, причем в отдельных топонимах отражены очевидные элементы языковой архаики:

Вель, река ~ коми *вев- / вел-*, ныне сохранившееся только в составе дериватов, ср. коми *вевдор*, диал. *велдор* 'верх, поверхность' [КЭСК:

49]. Авторы КЭСК предполагают, что в основе *вев- / вел-* современного коми языка могли слиться две более древние основы: 1) древнеперм. и общеперм. **vel-* 'верх' (коми *vel-*), 2) общеперм. **vol-* 'поверхность, настил' (коми **vel-, vol-*) [там же]. Если это так, то в названии реки *Вель* можно видеть древнеперм. основу **vel-*, т.е. толковать название как «Верхняя (река)». С этой этимологией точно согласуются географические данные: *Вель* – самый верхний приток реки *Келды*. Существенны для этимологии и типологические параллели, отмечаемые в топонимии Республики Коми: река *Вель* в бассейне *Печоры*, река *Вельпон* в бассейне *Лузы* и др. – о их связи с коми *вель* 'верх, верховье' см.: [Мусанов 2003: 71].

Кел(ь)да, река (известна с XVII в.); смеж. **Кел(ь)дозеро**, озеро ~ к.-зыр. *кельдны* 'бледнеть; светлеть', *кельыд* 'светлый' [КРС: 276–277].

Козольское Озеро, озеро ~ к.-зыр. *коз* 'ель' [КРС: 292] – см. выше *Козла*. Для этого названия пермская этимология подтверждается смежностью реки *Еловица*.

Олма, река ~ к.-зыр. *овны [ол-]* 'жить, проживать; быть, находиться где-либо'; *олõм* 'жизнь, житье; жительство, проживание' [КРС: 489]. В недалеком соседстве от *Олмы* в *Кулой* впадает речка под названием *Шидикурья*, также указывающим на освоенность этой зоны: саамская основа *Шид-* имеет значение 'зимняя деревня; погост' (см.: [Матвеев 2004: 107–108]). Название *Олма* тем самым возможно истолковать как «Жилая (река)». Следует отметить архаичность структуры топонима: современное отглагольное прилагательное от *овны* имеет форму *олан* 'жилой' – имя действия *олõм*, однако указывает на то, что в этой же фонетической форме могло существовать и древнее отглагольное причастие / прилагательное. Трансформация **Олом-* > *Олма* вполне объяснима на русской почве в силу ударной позиции второго гласного, ср. ниже *Вождоромма – Вождорма*. Ср. также название *Олма* в *Волго-Камье*, именуемое две реки [Вершинин 2005: 14].

Полта, река (известна с XVII в.); смеж. **Полтозеро**, озеро. Основу этих названий мы возводим к перм. **Пол ты* («Половинное озеро»), ср. к.-зыр. *пõв [пõл-]* 'половина' и к.-зыр. *ты* 'озеро' [КЭСК: 227, 292]. Важным семантическим основанием для этой этимологии является то, что озеро *Полтозеро* располагается в верховьях реки *Лака*, название которой толкуется из саамского языка как «Половинная», ср. саам. *lakk* 'половина' [YS: 65]. На значимость пространственного понятия «половина» в Архангельском Поморье указывают довольно многочисленные русские топонимы типа *Половина, Половинный Ручей, Половинное Озеро* и др. По свидетельст-

вам информантов, такие названия обычно даются объектам, находящимся на середине достаточно протяженного пути.

Товское Озеро, озеро ~ к.-зыр. *töv* ‘зима’ [КРС: 684]. См. выше *Това*, *Товото*.

Ырзеньга, река / **Эрзеньга** / **Ерзеньга** ~ к.-зыр. диал. *ырзьины* ‘реветь, громко плакать’, ‘кричать, орать, вопить’, *эрзьины* ‘гоготать без удержу, громко смеяться’ [ССКЗД: 445, 449]. Для этой этимологии немаловажно, что варианты с начальными *э* / *ы* следует считать более близкими к субстратному источнику, поскольку переработка *јэ* – *э* или *јэ* – *ы* нетипична для русского языка, тогда как обратная переработка вполне вероятна по причине редкости начального *э* и отсутствию начального *ы* в русском языке. Что касается семантики названия, то выше (см. **Юргин**) уже отмечалась характерная для гидронимии Архангельского Поморья высокая продуктивность ономастопозитических номинаций, отражающих «звучность» поморских речек (для данного случая ср. русский аналог *Ревушка*).

Итак, с одной стороны, в междуречье Северной Двины и Кулоя отмечается ряд гидронимов, которые непосредственно соотносятся с коми-зырянскими данными. С другой стороны, отдельные названия (*Вель*, *Олма*) находят объяснение лишь на древнепермской почве. Это обстоятельство заставляет вспомнить гипотезу Шегрена, согласно которой пермяне, некогда продвигнувшиеся вниз по Двине вплоть до Белого моря, затем отступили на восток под натиском финского и русского населения [Sjögren 1861: 320–321].

Низовья Северной Двины

Этот поморский микрорегион может рассматриваться как часть предыдущего, однако по ряду лингвистических характеристик мы выделяем его в особую зону. Ее главная особенность – малочисленность собственно субстратных пермских названий в сочетании с довольно широко представленными в микротопонимии антропонимами коми-зырянского происхождения.

По существу, с достаточной уверенностью к пермскому субстрату данной зоны мы можем отнести только четыре названия:

Вождором, река, деревня (известны с XV в.) / истор. **Вождорма**, **Ождор(ъ)ма** / неофиц. **Воджеромка**.

Название *Вождором* допускает две этимологии с участием пермских данных. Согласно одной версии первая его часть может быть соотнесена с коми *вож* ‘ответвление, ветка, развилина’, ‘приток реки’ [КЭСК: 60], что не вызывает ни лингвистических, ни географических возражений: речка *Вождором* – приток реки Северной Двины, а лексема *вож* в значении ‘приток’ достаточно продуктивна в коми топонимии. Однако

в рамках такой версии вторая часть названия не может быть объяснена на пермской почве. С некоторыми фонетическими и семантическими допущениями компонент *-дор(о)ма* можно сопоставить с приб.-фин. *törtmä* ‘береговой обрыв, край, склон горы’ [SSA 3: 363] – в этом случае топоним *Вождором* следует считать гетерогенным (с субсубстратной пермской основой и прибалтийско-финским детерминантом, возникшим при усвоении пермского названия прибалтийско-финским населением).

Более убедительной, однако, представляется другая версия. Она основана на том, что в среде рыбаков реку называют *Воджеромка*. Если эта форма фонетически первична, что в силу ее неофициального статуса вполне вероятно, то основа *Водж-* находит прямую параллель в коми *водж* ‘зимняя рыболовная запруда из кольев’ [КЭСК: 59]. Что касается форманта *-ором* / *-ером*, то его можно связать с коми *өрӧм* ‘старое русло’, диал. ‘рытвина, промоина’ [КЭСК: 207]. Этот географический термин – ныне непродуктивный и, по-видимому, достаточно старый – отмечен в нескольких топонимах Республики Коми: *Аджером* / *Адзорӧм* < коми *адз* ‘пойма реки’, *Лаборем* / *Лаборӧм* < к.-зыр. диал. *лаб* ‘сырое место в долине’ [Афанасьев 1996: 20, 86], *Кӧдджерем* / *Каджером* < *кӧджӧрӧм* ‘старое русло в излучине реки’ при *кӧдж* ‘лука, излучина реки’ [КРС: 832; КЭСК: 207]. Указанному географическому термину коми языка семантически соответствуют русские *полой*, *промой* и *старица*, которые в топонимии низовий Двины отмечаются очень часто (ср. *Полой*, *Мечкинский Полой*, *Промой*, *Шихиринский Промой*, *Старичное* и др.)³.

Таким образом, согласно данной версии исходной для нижнедвинского гидронима *Вождором* (неофиц. *Воджеромка*) следует считать пермскую форму **Воджӧрӧм* / **Воджорӧм*, которая в целом истолковывается как «Старое русло, где ставятся зимние рыболовные запруды». При этом нельзя исключить, что в действительности эта пермская форма была более архаичной по звучанию, т. е. начиналась не с губно-зубного *в*, а с губно-губного *w* – к такому предположению ведут русские формы с начальным *о* (*Ождорма*), которые являются наиболее ранними, а именно зафиксированы в XV в. без вариантов с начальным *в*. С позиций истории пермских языков это вполне возможно, поскольку переход биллабиального ф.-уг. **w* в перм. губно-зубной *v* в свое время охватил пермские диалекты неравномерно: на некоторых территориях этот переход окончательно осуществился только в XVI–XVII вв. [ОФУЯ 1976: 139].

Мучь остров, урочище *истор.* (известно с XVI в.) / *совр.* **Мучестров**, луг ~ общеперм. **тищ-* ‘кочка; мох’, к.-зыр. *мутшыд* ‘густой (лес); сырой, заросший высоким мхом (о почве в лесу)’ [КЭСК: 180].

Шунушэра, река. Основа топонима находит наиболее близкую и убедительную параллель в к.-зыр. *сюн* ‘глина темно-синего цвета; ил’ [КРС: 664], общеперм. **s’up*, мар. *шун* ‘глина, ил’ [КЭСК: 274] (о передаче перм. *с’* русск. *ш* см. выше **Шукша**). Для этого сопоставления существенно, что все русские исторические топонимы Поморья, связанные с апеллятивом *глина*, засвидетельствованы близ Холмогор, где известна и речка *Шунушера*: *Глинки* (XVI в.), *Глинвертея* и *Глинской посад* (XVII в.). Второй компонент названия также соотносится с пермскими данными, ср. коми *сер* (в топонимах) ‘река’: *Висер* ‘река Вишера’, *Ньвисер* ‘река Нившера’ и др. (< **s’er*, **s’er*) [КЭСК: 251].

Кроме четырех указанных названий, пермское происхождение вероятно, на наш взгляд, и для исторического гидронима **Козручей** (известен по источникам XVII–XVIII вв.). Этот топоним может связываться с той же к.-зыр. основой *коз* ‘ель’, которая отражена в названиях **Козла** и **Козольское озеро** (см. выше). Не исключено, конечно, что исходной формой топонима является русск. *Козий Ручей, однако эта номинация не находит в русской топонимии Архангельского Поморья ни одного семантического аналога, тогда как *Еловые* ручьи и речки распространены широко и повсеместно.

Как отмечалось выше, на фоне слабовыраженного пермского топонимического субстрата в низовьях Северной Двины засвидетельствован ряд названий с пермскими антропонимическими компонентами. Это, во-первых, четыре ойконима, фиксируемых историческими документами XVI–XVII вв.:

Банивогая гора, деревня *истор.* (XVI в.) / *совр.* **Банёво** ~ к.-зыр. *бан* ‘лицо, щека’, общеперм. *baŋ ‘лицо’ [КЭСК: 37]. На наш взгляд, в историческом варианте ойконима следует видеть не ошибку писцов, а передачу исходной формы антропонима *Баньог, где *-ог* – нередко отражаемый в антропонимах коми происхождения суффикс прилагательных, ныне непродуктивный [КРС: 919].

Ендыска, деревня *истор.* (XVII в.) ~ к.-зыр. *эндџс* ‘беззаботный, нерадивый’ [КРС: 805].

Икшино, деревня *истор.* (XVI в.) ~ к.-зыр. *ыкша* ‘высокомерный, горделивый, кичливый, заносчивый, чванливый; хвастливый, самолюбивый’ [КРС: 795]. Ойконим отмечен в составе традиционной для старых письменных источников формулы «деревня Кривлиевская, Икшино

тож» (СГКЭ–1: 303) – таким образом, коми этимология поддерживается семантически близким параллельным вариантом *Кривлиевская*, ср. русск. диал. *кривляться* ‘ломаться, корчиться, ужиматься’ [Даль II: 194].

Тышкунова, деревня (известна с XVII в.) ~ к.-зыр. *тыш* [*тышк-*] ‘обух’ [КРС: 709]. Ср. название *Обухова Гора*, относящееся к соседней деревне.

Во-вторых, с пермскими антропонимами можно связывать еще несколько названий, зафиксированных в низовьях Северной Двины Топонимической экспедицией УрГУ:

Жуничев Островок, остров – ср. к.-зыр. *жонь*, *жунь* ‘снегирь’ [КЭСК: 103]. Ср. также к.-зыр. *жуним* ‘вялый, нерасторопный’ [КРС: 230], общеперм. **жиŋ-* ‘слабый, вялый’ [КЭСК: 103].

Колёгин Перелог, покос – ср. к.-зыр. *кальӧг* (*вома*) ‘невоздержанный (на язык)’ [КЭСК: 115–116].

Чикульцы, покос – ср. к.-зыр. *чикыля* ‘в завитках, вьющийся’ [КРС: 742].

Впрочем, эти названия, как и приведенные выше исторические ойконимы XVI–XVII вв., вряд ли имеют прямое отношение к тем древним «пермянам», которых имел в виду Шегрен. Скорее, они представляют хронологически более поздний пласт, созданный коми переселенцами с верхнего и среднего Подвинья и Мезени. О том, что такие переселения действительно происходили, свидетельствуют, к примеру, разыскания краеведов, проследивших путь миграции жителей упоминавшейся выше мезенской дер. Целегора, которая к 1646 г. почти полностью опустела, – ее население, которое частично могли составлять коми-зыряне, в дальнейшем обнаруживается в разных районах Подвинья, в том числе и «на Колмогорах» (КИТРС). Сведения о таком направлении миграций хорошо подтверждаются и данными антропонимии, иллюстрирующими значительное сходство старожильческих фамилий мезенских и нижнедвинских жителей; любопытно также, что старожилы некоторых деревень нижней Двины по сей день считают «непонятные» местные названия коми-зырянскими.

В конечном итоге, как бы ни решался вопрос о времени возникновения нижнедвинских топонимов, содержащих пермские антропонимические компоненты, в наличии достаточно древних пермских названий в Архангельском Поморье вряд ли приходится сомневаться. К этому архаичному пласту, возможно, относятся не только гидронимы междуречья Северной Двины и Кулоя, но и некоторые гидронимы двинских низовий, Зимнего берега и Северного Примезенья. Однако на двух последних территориях пермское население, скорее всего, большей частью пред-

ставляло собой относительно позднюю волну переселенцев с востока и юга, которые в течение 1-2 столетий были ассимилированы русским населением, но оставили определенные топонимические свидетельства своего присутствия. На территории Поморья, расположенной западнее реки Северной Двины, пермские географические названия нами не обнаружены.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

² В работе использовано два типа источников, позволяющих учесть максимально широкий круг топонимических данных: картотека полевых записей Топонимической экспедиции УрГУ и картотека исторических топонимов Русского Севера, собранная сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ.

³ Продуктивность подобных названий в двинских низовьях объясняется тем, что в связи с приливами и отливами Белого моря уровень воды в Северной Двине постоянно меняется. Это приводит к изменению прибрежного гидроландшафта – в частности, к появлению *полоев* и *промоев* (новых речек и рукавов) и к изменению речных русел, от которых остаются старицы.

Список источников

КИТРС – Картотека исторических топонимов Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ).

САС-2 – Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: ВГПИ, 1972.

СГКЭ-1 – Сборник грамот коллегии экономики. Т.1. Пг., 1922.

Список литературы

Афанасьев А.П. Топонимия республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 205 с.

Бернитам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 175 с.

Вершинин В.И. Словарь марийских топонимов низовья Камы и Вятки. Йошкар-Ола, 2005. 129 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1988–1990. Т.1–IV.

Кабинина Н.В. Ономатопоэтическая лексика в субстратной топонимии Архангельского Поморья // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С.75–82.

КРС – Коми-русский словарь / под ред. проф. В.И.Лыткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 923 с.

КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 174 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.

Матвеев А.К. Структурно-морфологические типы севернорусской субстратной топонимии // Питання ономастики: матеріали II Республіканської наради з питань ономастики. Київ, 1965. С.130–141.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Ч.II. 369 с.

Мусанов А.Г. Потамонимы Республики Коми // Прибалтийско-финское языкознание: сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М.Керта. Петрозаводск, 2003. С.68–79.

НРС – Ненецко-русский словарь / сост. Н.М.Терещенко. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

СРНГ 27 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П.Сороколетов. СПб.: Наука, 1992. Вып. 27. 400 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т.И.Жилина, М.А.Сахарова, В.А.Сорвачева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 455 с.

Sjögren J.A. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII. Spb., 1861. 440 p.

SSA 3 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 503 с.

YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 с.

Дополнительные условные сокращения

арх. – архангельские говоры русского языка
 диал. – диалектный
 древнеперм. – древнепермский язык
 истор. – исторический топоним или историческая форма топонима
 к.-зыр. – коми-зырянский язык
 мар. – марийский язык
 морд. – мордовские языки
 ненецк. – ненецкий язык
 неофиц. – неофициальная форма топонима
 общеперм. – общепермский язык
 перм. – пермские языки

приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
русск. – русский язык
саам. – саамский язык
смеж. – название смежного объекта
совр. – современная форма топонима

удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
ф.-уг. – финно-угорские языки

PERM TOPONYMIC HERITAGE ON ARKHANGELSK POMORANIA TERRITORY

Nadezhda V. Kabinina

**Reader of Russian Language and General Linguistics Department
Ural State University**

The article is devoted to an insufficiently studied problem related to Perm toponymic heritage on the territory of the Arkhangelsk Pomerania. On the basis of etymological analysis, the author proves that in the eastern part of this region, between the lower reaches of the rivers the Northern Dvina and the Mezen, both ancient substrate and quite late Perm toponymic substrate are presented. In the eastern subregion of Arkhangelsk Pomerania the author allocates four Perm toponymic areals, differing in a number of linguistic characteristics. On this basis the issues of chronology of reclamation of the region by Perm population and specificity of historical Russian-Perm interaction are discussed.

Key words: Arkhangelsk Pomerania; Komi-Zyryan; Perm; substrate; toponym; etymology.